

18+

Марк Рабинович

**ЭПИДЕМИОЛОГИЧЕСКИЕ
РАССКАЗЫ**

Марк Рабинович

Эпидемиологические рассказы

«Издательские решения»

Рабинович М.

Эпидемиологические рассказы / М. Рабинович — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-512530-9

Большинство рассказов этого небольшого сборника было написано во время карантина по случаю коронавируса. Именно это их и объединяет. Не все из них повествуют о вирусном сидении, но, как мне кажется, каждый из них несет в себе отголосок того переосмысления, которым обогатил нас этот нелегкий период.

ISBN 978-5-00-512530-9

© Рабинович М.
© Издательские решения

Содержание

Самоизоляция	6
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Эпидемиологические рассказы

Марк Рабинович

© Марк Рабинович, 2020

ISBN 978-5-0051-2530-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

При оформлении данной книги использованы иллюстрации из [WikiMedia Commons](https://commons.wikimedia.org/wiki/Main_Page) https://commons.wikimedia.org/wiki/Main_Page и безлицензионные изображения из [Pixabay](http://www.pixabay.com) www.pixabay.com.

Картина «Э. Мунка» в исполнении Алоны Рабинович

Самоизоляция

Пожалуй, он был одним из немногих, повседневную жизнь которых почти не затронул карантин.

Ох уж этот карантин! Он упал на страну постепенно... Нет, это вовсе не было похоже на фильмы про апокалипсис. Не разразились видимые глазом катаклизмы, никто не падал бездыханным на улице, не было бегущих в панике толп, а в подъездах не валялись неубранные трупы. Не появились также блокпосты с озверевшими бойцами, готовыми стрелять сразу, а разбираться потом. Не наблюдалось ни очень низко летящих вертолетов, ни ударов вакуумными бомбами по очагам заражения. Но некоторые признаки надвигающихся событий были очевидны тем, кто хотел видеть. Вначале, из магазинов исчезла туалетная бумага, которая пришла на смену спичкам и керосину первых лет советской власти. К исчезновению дефицитного материала приложили руку как те, кто склонен паниковать по любому поводу, так и те, кто обладает необычайно развитым верхним чутьем. Потом исчезла Тамара.

Она тихо и незаметно ушла за день до объявления карантина. Тамара была очень удобной, приходящей женщиной, истинной мечтой холостого мужчины. Она никогда ничего от него не требовала и, как ему поначалу казалось, ничего от него не ожидала. Она безропотно и покладисто соглашалась на встречи по его графику, на изощренный секс, на длинные прогулки вдоль моря. Тамара работала делопроизводителем в каком-то государственном учреждении, он даже не знал – в каком. Не иначе, как это была канцелярия при райских вратах, потому что ее начальство, похоже, только и ждало, что она попросит пару недель отпуска. И она безропотно ехала с ним то на два дня в Париж с посещением Мулен Руж, то на недельный круиз в Антарктику, то еще куда-то, куда хотелось ему, а не ей. У нее был квартира в соседнем городе, в которую она возвращалась, когда ему хотелось побыть одному, и взрослый сын, который не обременял ни ее ни его. А вот теперь Тамара уходила...

– Ты не сердись, Вадик – сказала она своим мягким, грудным голосом – Наступают нелегкие времена и мне необходимо быть поближе к сыну. Там сейчас мое место.

Он с щемящей грустью понял, что ее место всегда, все эти годы оставалось там, в такой-же, как и у него одинокой квартирке. А еще он понял, что Тамара не вернется, даже когда болезнь уйдет и возродится прежняя жизнь. Он чувствовал, что сейчас от него отрывался пласт его жизни, пласт не самый важный и далеко не самый нужный. И все же было грустно.

– Спасибо тебе – сказала Тамара, перед тем как подняться в автобус.

Автобус запыхтел, покачнулся и увез ее, растаяв в дымке за ехидно мигающим светофором. Вадим еще постоял немного, пытаясь принять этот изменившийся мир. В нем, это новом мире больше не будет такого мягкого, податливого плеча, в которое он любил дышать во второй половине ночи, когда приходит утренний, самый спокойный сон. Но это не страшно, ведь это плечо было там не каждую ночь. Он привыкнет. Она тоже привыкнет, хоть и не сразу, ведь и у нее было такое плечо, в которое можно уткнуться носиком и тихо сопеть. И именно за это, понял он, она меня и благодарила. Наверное, догадался он, ей этого было мало. Ей нужно было каждую ночь сопеть в чье-то плечо, а он ей этого дать не мог. Ну а маячащий на горизонте карантин было всего лишь предлогом.

И все же и исчезнувшая Тамара и исчезнувшая туалетная бумага были лишь прелюдией. Даже власти поначалу высказывались весьма робко, предлагая гражданам ограничить визиты, не здороваться за руку и мыть руки не только перед едой. Было очевидно, что они в растерянности и это было хорошо. Значительно хуже стало тогда, когда кто-то наверху решил, что лучше перебдеть чем недобдеть. Немедленно начались запреты и ограничения. Нельзя было скапливаться более десяти, потом более пяти, трех, двух, потом запретили скапливаться вообще. Его все это не трогало. Он не собирался скапливаться ни в каком количестве. Он давно уже, много лет, предпочитал вообще не скапливаться. Приказ о самоизоляции он встретил в одиночестве.

Потом оказалось, что выйти из дому можно только по пропускам. Это было необычно и неприятно, но выходить из дому и не хотелось. Нет, он вовсе не был домоседом и длительное затворничество его не привлекало. Более того, он любил и умел путешествовать, любил находить и открывать для одного себя новые места. В прежние времена его часто посылали в дальние и не очень дальние командировки, где он всегда умудрялся вырывать свободное время чтобы пошляться по незнакомым улицам или проехать лишнюю сотню километров. Это в равной степени могла быть далекая, бурлящая незнакомой жизнью, экзотическая страна или спокойная, застывшая в прошлом веке провинция в двух часах езды на электричке. Его одинаково радовали как ажурные храмы в далекой Корее, так и немудреные сталинские постройки в глухих районных центрах. Но радовали только один раз, как женщины – непостоянного и неутомимого Дона Жуана. Город, в котором он побывал, улицы, по котором он прошелся, здания, на которые он успел полюбоваться, панорамные виды, которые отпечатались в его памяти, уже не способны были восхитить его вторично. Хуже того, мир начал становиться однообразным и блеклым. Он сужался год от года, скукоживался, становился скучным и пресказуемым. Новые города казались плохими копиями уже виденных, храмы и дворцы были похожи друг на друга как хрущевские пятиэтажки. Оставались, правда, еще неизведанные места, но и они были подозрительно похожи на что-то из уже виденного. Поэтому его больше не тянуло выходить из дома на знакомые до отвращения улицы.

Но ведь так было и раньше, до карантинных мер, не правда ли? Вот только до введения пропускной системы приходилось выходить для поездок в офис, для непременных визитов к родственникам или еще куда-нибудь, куда его требовательно вели неписанные правила социума. Подобные действия давно уже стали для него рутинной, неприятной обязанностью, которую он исполнял с некоторой, едва заметной ему самому, долей безразличия и неприятия, подобно тому как иной порядочный семьянин выполняет свой супружеский долг. Этот самый семьянин давно уже равнодушен к этому процессу, но привычно и профессионально симули-

рует энтузиазм. И неважно, что это: унылый секс по пятницам или вынос мусора по нечетным дням. Новые же правила самоизоляции очистили его маленькую ойкумену от продолжающихся годами лицемерных социальных игр, оставили его, наконец, наедине с самим собой. Не об этом ли он мечтал все время, не этого ли хотел? Воистину карантин, это истинное бедствие для многих, был для него и благом и своего рода катарсисом. Он принес очищение от лжи, принес ту простоту и ясность, которая ранее казалось ему недостижимой. Так что же было не так? Откуда возник этот, хоть и почти незаметный, но все же явственно ощутимый диссонанс?

Утром второго дня карантина позвонила мать.

– Я очень волнуюсь, Вадя – нервно говорила она – Как ты там, совсем один? Не дай бог случись что и некому будет даже стакан воды подать.

Он не понимал, что такого с ним, здоровым пятидесятилетним мужиком, может случиться и как ему волшебным образом поможет стакан воды. Но хуже было другое. Как оказалось, его вселенная не совсем замкнулась, еще не закуклилась, в ней оказался незакрытый проем, в виде нескольких дюймов телефонного экрана. Эта ахиллесова пята сверкала розовым незащищенным эпидермисом и через нее могла проникнуть беспокойная зараза, нежелательная социальная инфекция. Туда уже пронзительно и бесцеремонно проникало беспокойства других за него. Мать, как всегда, была первой, но будут и другие, участливо выпрашивающие и беспокоящиеся. Наверное вскоре проявится его безалаберный брат, за звонком которого будет незримо маячить его серьезная и ответственная жена. Начнутся шуточки и прибаутки, за которыми будет скрываться то же беспокойство, что и у матери. Потом позвонит менеджер по кадрам, многоопытная дама из офиса, и будет умело и обстоятельно выяснять его душевный настрой согласно купленной накануне и тщательно проштудированной методички. Ее профессиональное участие будет безмерно раздражать, но придется сдерживаться и отвечать спокойными, сдержанными словами, совпадающими с теми, что написаны в методички обычным, не выделенным жирным цветом шрифтом. Но много хуже то, что он и сам беспокоился. Беспокоился за мать, отца, брата... Он беспокоился за обоих своих сыновей: и за того, до которого было два часа на электричке и за того, до которого было четыре часа полета. Что это было? Социальная привычка, результат многолетнего воспитания или даже впитанная с молоком матери? Или нечто другое? Он не понимал и это его тревожило. Он даже подумывал отключить телефон в надежде обрести полное спокойствие духа – достичь атараксии. Не выйдет, понял он. Поднимут на ноги службы спасения, полицию, выломают бронированную дверь и взломают душу.

Первые дни он наслаждался свободой. Не будучи столь уж наивным, он понимал, что его свобода относительна, ведь мусор все равно надо выносить. Зато теперь можно было не выслушивать пенсионерские рассказы на входе в подъезд отговариваясь тем, что скапливаться не допускается властями. Не нужно было больше раскланиваться с многочисленными и совершенно неинтересными ему людьми, ни на работе, ни на улице. Почти перестали названивать надоедливые женщины из телемаркетинга. А ведь отделаться от такой надоеды не так просто, порой недостаточно бывает просто сказать: «Простите, но я не заинтересован».

– Как же так? – изумляется такая телефонная барышня – Ведь в дополнение к эргономичному креслу для телевизора мы даем, совершенно бесплатно...

В ее голосе слышится искренний восторг. Сейчас она верит сама себе, верит в то, что «замечательное кухонное полотенце из натурального хлопка» призвано облагодетельствовать его, совершенно такого счастья не заслуживающего. Его робкие попытки что-либо объяснить она даже не собирается слушать и несет свой хорошо выученный текст самозабвенно, как глухарь на току. Прервать разговор ему не позволяло вдолбленное с детства и засевшее в подкорку воспитание, поэтому приходилось приглашать даму на «ночь безумной страсти на лоне природы». Это, как правило помогало, хотя и не всегда – некоторые соглашались.

Очень быстро проявилась дама из отдела кадров. Скорее всего ей просто не терпелось поставить галочку в списке и поэтому она была деловита и восхитительно кратка. Скороговоркой проговорив утвержденное дирекцией сообщение для персонала, она заверила саму себя, что их лучшие сотрудники (к которым она, разумеется, относилась) стойко встретят новые реалии и лишь повысят свою производительность, работая по удаленке. Многого от него не требовалось и он благодарно бормотал «да», «нет» и «разумеется» в нужных местах. Этот торопливый разговор не слишком поколебал его душевное равновесие.

Каждый день, ровно в шесть вечера, звонила мать. Разговор был несложный, но тягучий, медлительный. Она спрашивала о здоровье и отвечать следовало четко и однозначно, как полицейскому следователю на вопросы об убийстве, свидетелем которого он стал. Впрочем, знакомство с работой следователя основывалось исключительно на телевизионных сериалах и он подозревал, что в реальной жизни они ведут себя иначе, отвлекаются, сбиваются и даже, подумать только, шутят. Мать не сбивалась и не отвлекалась, шуток во время допроса не понимала и приходилось отвечать сухо и однозначно, чтобы не спровоцировать следующий вопрос.

– Да... – говорил он – ...Нет... Ни в коем случае!

Такое поведение было самым правильным, мама расслаблялась и ее можно было спросить о погоде, об отце и о брате, или просто поболтать ни о чем. Конец разговора тоже был сложным, сопровождался бесконечными прощаниями, которые и прощаниями-то не были, а лишь предваряли переход на другую тему. Чем дольше продолжались эти вечерние разговоры, тем мучительнее они становились. Ему до зубной боли надоело давать одни и те же ответы на одни и те же вопросы, в то время как хотелось ему совершенно другого. А хотелось ему помолчать, держа маму за руку или даже просто сидя рядом. Но маме было за семьдесят и рядом быть никак нельзя было. Мама это понимала и поэтому говорила непрерывно, наивно пытаясь заменить разговором то, что он не мог ей дать. А может быть, этот разговор позволял ей не думать.

Вообще-то он сторонился общения как такового, а уж общение по телефону считал совсем уже бессмысленным занятием, эрзацем, заменителем настоящих чувств. Ответить на иной звонок, а потом еще и поддерживать вежливый, адекватный разговор, было для него истинной мукой. Перед самим собой он оправдывался собственной прямолинейностью и беспритворством, хотя в глубине души подозревал, что дело скорее в его же нелюдимости, которую он ханжески называл про себя интровертностью. Звонить сам он любил еще меньше, хотя порой и приходилось это делать, выполняя суровые правила жизни в социуме. Было это и нелегко и противно и утомляло. Поэтому он так и не понял, что вдруг заставило его позвонить Максиму.

Быть может этому способствовал последний разговор с отцом. Если мать звонила строго по часам, то отец достаивал звонка от случая к случаю и это было приятно, напоминая не рутину, а искреннее и, возможно даже, внезапное желание услышать голос сына. Отец не осведомлялся о здоровье, не спрашивал как дела, а старался найти тему интересную им обоим. Так было всегда, вот только таких тем становилось все меньше и меньше. Разумеется, отец тоже не отказался бы пожурить за безалаберную жизнь, отсутствие семьи и неясные перспективы. Но он прекрасно понимал, что это бесполезно, его Вадик вырос и предпочитает самостоятельно совершать ошибки. Поэтому разговор с отцом был непринужденным, приятным и легко заканчивался без бесконечных, нудных прощаний. Вот только по мере того как карантин овладевал миром, отец звонил он все реже и реже. И разговоры с отцом стали другими, изменились, поменялась их тональность. Возник едва ощутимый диссонанс, который осознаешь на уровне подсознания, да и то лишь тогда, когда ты даешь подсознанию волю, прислушиваясь к нему. Что же это было? Не сразу, но он понял. Прежде, во время их разговоров отец был сконцентрирован, сосредоточен так, как будто он Вадим был для него чем-то неизмеримо важным. Да, так оно, надо полагать и было. Нет, отец по-прежнему звонил и сейчас, во вто-

рую неделю карантина. Вот только разговор он каждый раз вел незначительный, скомканные и, даже страшно подумать, старался побыстрее его закончить. Не сразу к Вадиму пришло это понимание, а когда пришло, принесло горечь и обиду. Отец это заметил и, однажды, разоткровенничался.

– Ты знаешь, Вадя – осторожно начал он – Ты всегда был для меня самым главным в жизни. Сам понимаешь – первенец, сын...

– И ты возлагал на меня большие надежды – попытался продолжить Вадим – А я их не оправдал. Теперь ты разочарован. Да, папа? Так?

– Дурак ты, Вадя, хоть и великовозрастный – спокойно ответил отец – Ни хрена ты не понял...

– Хорошо, я дурак. Так объясни дураку.

– Это все карантин, самоизоляция – смущенно начал отец – Мы с твоей мамой самоизолировались и тут вдруг оказалось, что мне и не надо ничего и никого, кроме нее. Нет, ты не подумай, ради бога, ничего такого... Ты для меня всегда...

– Но самым главным теперь стала она, верно?

– Ну... Я столько лет не уделял ей достаточно внимания. Ты понимаешь, Вадя, дети, работа, дом... А теперь оказалось...

– Что все это не так важно...

– Да, нечто в этом роде.

Надо было что-то сказать и он сказал то, что отец ожидал от него услышать:

– Все правильно, папа! Именно так и надо.

– Ты думаешь? – в голосе отца слышалось облегчение.

Вовсе он так не думал и было ему и больно и обидно. Он сам себя клял за эгоизм, за эти боль и обиду, но ничего не мог с собой поделать. Теперь стали понятны и частые звонки матери и торопливые вопросы и ее весьма заметное облегчение после его правильных и ожидаемых ответов. Было ясно, что мама была в невольном сговоре с отцом и тоже наслаждалась долгожданной и, многие годы недостижимой, самоизоляцией вдвоем. Именно после этого разговора он и решил позвонить Максиму, хотя не смог бы и сам себе объяснить, какая тут была связь.

Раньше он называл сына Максимкой, но парень попросил и требовал, чтобы его звали полным именем. С его матерью, Юдит, он познакомился случайно и также случайно имел неосторожность влюбиться в себя. Результатом этой влюбленности и стал Максимка. Наверное так Юдит попыталась привязать его к себе, своим верхним женским чутьем понимая, что порядочный мужчина не откажется от своего ребенка. Это сработало и ей действительно удалось удержать Вадима на некоторое время. Свою роль сыграл и его возраст. Печально – но истина: ты не можешь и жить в обществе и игнорировать его коды. Разно или поздно твое подсознание убедит тебя и подтолкнет к тому, что считается нормой. Так, в середине четвертого десятка полагалось уже обзавестись семьей. Его более правильный и благополучный брат, несмотря на всю свою безалаберность, а может и благодаря ей, уже успел завести жену, дом, собаку и настрогать парочку племянников. Ну а на него уже давно укоризненно посматривал отец, правда ничего при этом не говоря. Мать же сдерживаться не умела и время от времени требовала внуков, сетуя на годы. Впрочем, племянники не давали ей предаваться скорби слишком часто. Все же отчаянию она не предавалась и, навещая ее, Вадим порой обнаруживал у нее в гостях очередную перезрелую девицу. Мать очень неправдоподобно удивлялась:

– Ой, Ваденька, а ко мне как раз Танечка (Леночка, Светочка, Мариночка) зашла. Не забывает старуху

Танечка (Леночка, Светочка, Мариночка) смотрела на него коровьими глазами и ждала продолжения. А он мрачнел и блял нечто невразумительное, вследствие чего Танечки (Леночки, Светочки, Мариночки) быстро соображали что им здесь ничего не светит и менялись моментально и сразу, как будто в них где-то повернули переключатель. Они могли стать

занудными и скучными, могли – веселыми и обаятельными, а могли – злыми и язвительными. Но в любом случае, они становились самими собой и с ними сразу становилось легче. Можно было поддерживать необязательный разговор, можно было слегка пофлиртовать, а можно было даже и завести ни к чему не обязывающий роман. И только Юдит, хотя и была исходно одной из маминых Танечек (Леночек, Светочек, Мариночек), поразила его тем, что была естественна с самого начала, благополучно проскочив стадию коровьих глаз и больших надежд. Даже мама не нашла для нее уменьшительного прозвища и так и звала ее – Юдит. Это и ввело его в заблуждение, он ослабил бдительность, в результате чего появился Максимка и они стали жить семьей. Поначалу ему это нравилось и даже ночной плач по первым зубам и грязные пеленки, а позже – детские горшки и описанные штанишки, он переносил стойко, со свойственным молодым отцам здоровым мазохизмом. Максимка подрос и тут выяснилось, что влюбленность его мамы бесследно исчезла, уступив место безразличию и апатии. Особенно это стало заметно, когда сын подрос и уже не перекрывал матери весь горизонт. Теперь Вадима всего лишь терпели, безразличие грозило перейти в неприязнь или даже ненависть и это его совершенно не устраивало. К счастью, Юдит первой предложила расстаться и он с тайной радостью согласился. Их брак не был оформлен, но он повел себя по-джентльменски и расстались они легко и красиво, по крайней мере внешне. Вот только глаза Максимки... он помнил их, ощущал их спиной, закрывая за собой дверь ребром большого чемодана.

С тех пор прошло больше десяти лет и укоризненные глаза почти забылись. Почему же сегодня ему понадобился этот номер телефона? Он не забыл его, не потерял, не стер из памяти аппарата и исправно звонил по этому номеру два раза в год: под Новый Год и в день рождения сына, сам себя проклиная за фальшь в голосе.

– Спасибо папа – вежливо отзывался Максим спокойным голосом воспитанного мальчика.

Кто знает, что на самом деле творилось в его голове, в полудетских мозгах подростка, выросшего без отца? Так зачем же понадобилось звонить сыну? Неужели, подумал он, даже самый отъявленный мизантроп боится одиночества? Или им двигает тупой инстинкт продолжения рода, который обычно упрощают до процесса зачатия? А ведь на самом деле это нечто много большее. Именно инстинкт продолжения рода заставляет человека задумываться о том, что останется от него после смерти. И мы судорожно строгаем детей, а потом истово и, порой бездумно, растим их, воспитывая по своему образцу и подобию, стараясь оставить в этом мире копию самого себя, этакий Сору-Paste на генетическом уровне. Подсознание привычно блокировало крамольные мысли, но пальцы уже перебирали строчки адресной книги.

– Как дела, Максим? – спросил он – Как мама?

Ему самому тут же стало противно и от своего приторно-фальшивого тона и от наигранной бодрости, которую он отнюдь не испытывал.

– Тебе же совсем неинтересно про маму – неожиданно заявил Максимка.

– Неинтересно – растерянно подтвердил он – Зато мне интересно про тебя.

– Зачем?

– Как зачем? Ты же мой сын.

– Правда? А что ты знаешь про своего сына?

Действительно, что он знал про Максимку? Он помнил его пухлым, все время вопящим младенцем, помнил его в ползунках, а вот свой первый шаг сын сделал уже без него. Конечно, они встречались время от времени, но порой у Юдит, а порой и у него были свои заботы и встречи эти случались не так часто, как ему бы хотелось и уж наверняка много реже, чем Максимка заслуживал. Теперь же экран телефона показывал лицо пятнадцатилетнего подростка, не украшенное обязательными в прежних поколениях прыщами. Чем было заполнены эти максимкины годы? Кто водил его за руку, кто рассказывал про драконов, рыцарей и звездолеты? Кто в первый раз показал ему жирафа?

– Тебе, что, не нужен отец?

– Не знаю... А зачем?

Чего больше было в голосе сына, неуверенности, обиды или безразличия? Об этом лучше было не думать. Нет, он, конечно же, неправ. Несомненно, отец всегда будет нужен. Хоть какой-нибудь отец. Нужен, чтобы выслушать про юношеские, а потом и взрослые проблемы. Он будет нужен, чтобы безоговорочно, да, именно безоговорочно, одобрить очередную последнюю любовь. Наверное, он нужен будет и для того, чтобы выслушать горестную историю непонимания и ссор. Возможно, он понадобится и чтобы помочь деньгами в нужную минуту. Но он уже не сможет имплантировать в неокрепшую детскую психику свое видение мира, не сможет приобщить к любимым книжкам, к рыбалке, к собранию марок и что там еще отец недобрал в своем детстве? Мы делаем это, чтобы стать бессмертными, продолжить жить. Никто не хочет умирать насовсем, а тут такая прекрасная возможность, оставить этому миру нетленную частичку себя. Вот только иногда эта частичка так непослушна и так непохожа, как будто обычное нажатие на клавиши, простой Copy-Paste, дало сбой, скопировав нечто совсем уже неожиданное. И вот уже она, эта частичка, читает другие книжки, любит блондинок, а не шатенок и предпочитает компьютерные игры рыбалке. А что делать, если сын вырос без тебя? Тут уже сразу надо забыть и о шатенках и о рыбалке.

– Ты любишь рыбу ловить? – неожиданно для самого себя спросил он.

– Не очень – Максим, казалось бы, совсем не удивился – Я все больше в компьютерные игры.

Про блондинок Вадим предпочел не спрашивать. Они еще поговорили немного и Максимка, выплеснувший застарелую обиду, утратил всю свою агрессивность и даже начал поддерживать разговор. А Вадиму захотелось сорваться с места, наплевать на правила, запреты и штрафы, забросить в машину удочки, палатку, взять сына и поехать вечером за четыре часа ухабистых дорого туда, где так тревожно подергивается поплавок на спокойной глади воды подернутой последней полосой утреннего тумана. Не выйдет, подумал он... Юдит будет долго поджимать губы, морщиться и приводить веские аргументы против авантюрной поездки. Никогда, никогда не было у него что противопоставить этим, всегда правильным, железобетонным доводам. Да и проклятый карантин будет на ее стороне. Ну что же, останемся здесь, подумал он, в своей, тоже железобетонной, самоизоляции. Вот только Максимка, сын, останется там, по другую сторону. Это было поражение, фиаско, провал.

Они еще о чем-то поговорили, но он уже с трудом поддерживал разговор и Максимка это заметил.

– Что с тобой, папа? – спросил он.

– Со мной? Со мной все в порядке. В абсолютном порядке – последние слова прозвучали немного истерично.

Еще не хватало грузить парня своими проблемами, подумал он, лишь бы голос не дрогнул. И голос не дрогнул, но что-то такое не ускользнуло от Максимки и тот неуверенно пробормотал:

– Ты звони почаще, папа...

– Лучше ты сам мне позвони, когда захочешь.

Эти слова он произнес уже правильным, твердым голосом – голосом отца. Пусть только закончится этот подлый карантин и я найду слова и очень убедительные доводы чтобы взять парня... Нет, не на рыбалку... Я не буду развлекаться за счет ребенка, а повезу его туда, куда ему будет интересно. А ты знаешь, где ему будет интересно? Нет, пока не знаю, вот и придется узнать. Лишь бы поскорее кончился карантин. Только тут он понял, что впервые за все время самоизоляции карантин стал ему в тягость.

Звонок брата тоже не принес облегчения. Было не ясно, позвонил ли Давид сам, по собственной инициативе или его подвигнул на это отец. А может быть это была его серьезная

миниатюрная жена и именно она и напомнила ему и подсказала, что именно и как говорить. В любом случае, Додик был поначалу неправдоподобно серьезен и столь же неправдоподобно неестественен.

– Ты держись, брат – вешал он – Этот карантин не навечно. Будет еще и на нашей улице праздник, причем семейный. Увидишь и нас с моей благоверной и спиногрызов наших. Родителей возьмем и завалимся куда-нибудь на природу. А ты притащишь с собой свою Тамару или кто там у тебя будет...

Ну явно кто-то пожаловался ему на отдаленные симптомы депрессии, то ли действительно прозвучавшие в очередном бессмысленном разговоре, то ли вымышленные не то отцом, не то матерью. В результате Додик был сейчас и ласков и предусмотрителен и вообще, сам не себя не похож. Но хватило его ненадолго.

– Ты знаешь – сказал он неожиданно – Я тебе немного завидую.

Брат сделал многозначительную паузу, но Вадим не собирался реагировать и тот продолжил:

– Ты не представляешь, как порой хочется побыть одному и отдохнуть и от спиногрызов и от их мамы.

Давид был смешон в своем наивном желании поддержать старшего брата. Нет, он несомненно говорил искренне. Может быть ему и вправду хотелось одиночества, но недолго, не бесконечного, очень хорошо контролируемого одиночества он жаждал. А ведь оторви его от его спиногрызов надолго, заскучает, затоскует и, не дай бог, зачахнет. Да и без своей благоверной он долго не протянет, как бы он ни клял порой ее занудство. По угрюмому молчанию брата Додик понял, что его раскусили, свел разговор к шутке, заерничал и начал рассказывать анекдоты про карантин, стремительно становясь самим собой. Вадим, со своей стороны, всячески его в этом поддерживал, тщательно смеялся немудреным шуткам, одобрил последнюю юмореску известного комика и вообще вел себя так, как будто в нем прорезался экстраверт. Похоже ему удалось успокоить Додика, тот расслабился и завершил разговор почти смешным анекдотом:

– Ты слышал? – сказал он – Индекс самоизоляции настолько высокий, что к Пушкину начала зарастать народная тропа.

Разговор уже давно закончился, а он все сидел тупо держа в вытянутой руке телефон и ему было бесконечно жаль самого себя. Даже безалаберному Додиду было к кому прислониться в его вовсе не одинокой самоизоляции. Братишка мог поспорить, поскандальить, поссориться, разругаться, а потом – помириться. Как бы я хотел поругаться и помириться, подумал он. Но мириться, а тем более ругаться он мог лишь с самим собой. Можно, конечно, попробовать, у некоторых даже неплохо получается, но удовольствие не то. Вроде бы есть еще раздвоение личности, подумал он и полез в Интернет. Мировая сеть его разочаровала: при раздвоении личности как само эго так и альтер-эго поочередно сменяли друг друга в голове своего носителя и никак не способны были к какой-либо коммуникации, разве что – посылать друг другу СМС-ки. Существовало еще диссоциативное расстройство идентичности, которое ему прекрасно подходило, но для его получения требовалась тяжелейшая душевная травма, желательна насильственно-сексуального характера, поэтому такое расстройство ему тоже не светило. Не было у него никакой душевной травмы, а была великовозрастная дурь на почве неправильно прожитой жизни.

Наверное именно поэтому он решил позвонить Толе. Анатолий был его сыном от раннего и недолго продержавшегося брака. Тогда, много лет назад, в прошлом веке, молодой и неопытный Вадим совершил типичную ошибку тинейджеров, приняв обычный гормональный всплеск за нечто большее. Такую ошибки совершают многие, не он первый и не он последний. Некоторым везет и выясняется, иногда сразу, иногда лишь с годами, что ошибка была не ошибкой, а щедрым и порой незаслуженным подарком судьбы. Ему же не повезло, и его ошибка так

ошибкой и осталась. Вадимова избранница была не более искушенной чем он сам, о последствиях не задумывалась, и все закончилось появлением на свет Анатолия. Потом была недолгая семейная жизнь и мучительный развод, с плачем, истериками и скандалами. С тех пор прошло немало лет, его давешняя любовь была давным-давно снова замужем, Толя вырос в полной семье и Вадиму, казалось бы было не за что себя упрекать. Да и жил его сын в совсем другой, хотя и не такой дальней стране и говорил, надо полагать, на другом языке. Была и еще одна, не слишком приятная причина ни в чем себя не упрекать. Случилось так, что во время очередного скандала мать Анатолия гневно бросила ему в лицо:

– ... И вообще, он не твой сын!

Был он тогда глупым и неопытным юнцом и принял это близко к сердцу. Много после, уже умудренный годами не слишком успешного опыта, он понял, что не следует верить разгневанной женщине, что бы у нее ни вырвалось в пылу гнева. А еще он осознал много лет спустя, что такие слова,неважно, правда это или нет, способна сказать лишь та, которая уже не надеется или не желает удержать мужчину. Потому что эти слова бьют по самому больному – по мужскому самолюбию – и никогда не будут забыты.

С тех пор прошло много лет и постепенно, год за годом, сын становился для него совершенно чужим человеком. И все же он иногда звонил Анатолию, но уже не в дни рождения и не на Новый Год, а в минуты душевной слабости и внутреннего разлада. И именно так, причем не минуту а много больше, он чувствовал себя сейчас. Этим и был обусловлен его звонок тому, кого он, несмотря на все происки других и собственные сомнения, считал сыном.

– Здравствуй отец – сказал Толик.

Он ни разу, за всю свою уже немалую жизнь, не назвал Вадима «папой» и им обоим это казалось правильным. «Папой» он, вероятно, звал другого человека. Сын говорил с легким, почти незаметным акцентом и это тоже было правильно потому-что поддерживало невидимую дистанцию между ними, которая нужна была каждому из них. Но сегодня был особенный день, день осмысления, день катарсиса, и поэтому он не раздумывая брякнул в телефон:

– А ты уверен, что я твой отец?

– Ты до сих пор не можешь простить маме эту байку? – рассмеялся Толик – Она давно призналась мне, что сказала это лишь из мести. Нет, даже и не надейся отмазаться.

Это прозвучало не слишком убедительно, но все же было приятно. Конечно, подумал он, такую пакость, такую мерзкую диверсию не аннулируешь одним голословным уверением, но все же приятно. И тут же Анатолий добавил ложку дегтя:

– ... И все же я твой сын – уверенно сказал Анатолий – Вот только не пойму, что это меняет?

Действительно, не все ли равно, подумал он, мой он сын или нет. Он давно уже не принадлежит мне и, кроме некоторых черт лица, нет в нем уже ничего моего. Другой мужчина вытирал ему сопли, другой человек водил его за руку, другой отец сформировал его характер. И все же, разница была. Странная, неуловимая, неформулируемая разница существовала, и они оба понимали это.

– У тебя будет внучка – внезапно сказал Толик.

Внучка? Еще одно маленькое, крикливое и сопливое существо, которое будет учиться ходить, говорить и понимать мир вокруг себя. И ему будут в этом помогать отец и мать, бабушка и дед. Но это будет не он, а другой, хоть и не родной, зато настоящий, правильный дед, который всегда будет рядом и которого она будет звать: «Деда». А он останется в своей самоизоляции и для него это станет еще одним поражением. Он говорил еще какие-то очень правильные и ничего не значащие слова, пока не нажал «отбой» с внутренним облегчением. Вот только во рту остался медный привкус, как будто все время разговора он грыз телефонный провод.

Итак, чем стал для него этот карантин? А чем он был для других? Для многих он стал заточением, для иных – необременительным, хоть и принудительным, отдыхом. Для немногих же это стало периодом катарсиса, переосмысления. Для него же карантин стал символом краха и банкротства. Это банкротство было явным и очевидным. Его акции более не котировались, его вкладчики разбежались, а его счет в незримом банке духовности был обнулен, арестован и неплатежеспособен. Да, у него оставались родители, родственники и немногочисленные замоомые. Они могли позвонить, раскланяться при встрече, поговорить о погоде. Но это уже ничего не значило. Он, его мысли, его будущее, все это потеряло свое значение в том мире, который он раньше столь гордо презирал. Внешний мир слишком быстро от него отказался и это было обидно. Ну что же, он пообщался со всеми, с кем хотел, кого желал видеть на экране и каждая виртуальная встреча, каждый разговор, был поражением, сдачей позиций. А теперь сдавать было уже нечего. Не оставалось ни позиций, ни жизни. Да, жить-то оказалось незачем, да и сама жизнь не представлялась таковой. Она было до отвращения похожа на просмотр изрядно надоевшего, бесконечного сериала, который давно должен был закончиться, но все тянулся и тянулся вопреки всякой логике. И это все? Больше никого не осталось в его маленьком мире. Теперь он совсем один. Твой дух мертв, мой друг, грустно констатировал он, но тело все еще живо. Что мне прикажете делать с ним, с этим телом? Оно требовало еды, требовало движения, удобств, развлечений. Будут тебе развлечения, подумал он и пошел в магазин.

Магазин радовал глаз. В нем все было по-прежнему, как будто и не тянулся никакой долгоиграющий кризис, как будто цены на нефть не неслись стремительно к ужасающе низким показателям. Дефицит куриных яиц тоже никак себя не проявлял. Впрочем, яйца его не беспокоили, как и многое другое. Да, магазинные полки радовали глаз, но не радовали сердце. Сердце же радовал лишь винно-водочный отдел, привычно пестрый и знакомый. Глаза столь же привычно разбежались и он решил довериться подсознанию, усилием воли запретив себе считывать цены. И действительно, подумал он, один раз живем, а конец света, – вот он здесь, за углом. Подсознание потребовало дорогого мескаля, простонародного «Киндзмарули» и упаковку какого-то неизвестного науке пива. Пестрый набор удивлял, но спорить с под-

сознанием не хотелось. На кассе сидела знакомая кассирша, которая не преминула бы укоризненно покоситься на разнокалиберные бутылки, а могла и задать вопросы невнятным, из-за защитной маски, голосом. Поэтому он предпочел кассу самообслуживания, которая, хоть и задает иногда вопросы, но уж точно не способна смотреть укоризненно. Касса его не подвела, вопросы задавать не стала и невозмутимо отстучала не слишком длинный чек.

– Это ты, брат, неплохо самоизолировался! – пробормотал он придя домой и глядя в зеркало.

Разговаривать с самим собой начинало входить в привычку. Все же, это лучше чем разговаривать с холодильником. Впрочем, если ты заговорил с холодильником, это еще полбеды. Много хуже будет, когда холодильник тебе ответит.

Холодильник начал отвечать в начале четвертой недели и после третьей бутылки сомнительного пива.

– Ну, ты хорош! – прокрипел он голосом Мойдодыра – Полюбуйся на себя!

Пришлось снова полезть в Интернет и освежить в памяти симптомы шизофреники. Номером первым там стояло утверждение, что шизофреники убеждены в своем душевном здоровье. Он же в этом уверен вовсе не был и это, парадоксальным образом, радовало. Все же он поинтересовался у холодильника не мерещится ли ему? Но нахальный электроприбор не соглашался отвечать на его вопросы, а вместо этого вещал то резким голосом отца, то спокойным – Тамары:

– Ну что, доволен? Упиваешься своим одиночеством? Лелеешь его? Только не надо валить все на карантин. Ты уже лет этак десять с лишним на карантине, вот только заметно это стало лишь сейчас. Ну, что ты молчишь? Тебе, что, сказать нечего?

Спорить с холодильником было глупо, но он все же решил попробовать. Впрочем, первая его реакция была, пожалуй, не самой разумной.

– Холодильники не разговаривают – заявил он.

– Вне всякого сомнения – согласился холодильник – Но ведь должен же с тобой хоть кто-то поговорить? А кто? Пушкин?

Долгие годы Вадим пытался понять, почему афро-российского поэта все время назначают крайним. Ведь материализуйся хоть малая толика таких, не слишком благих, пожеланий и несчастному Александру Сергеевичу пришлось бы годами засыпать траншеи тепломагистралей или нестись на ночь глядя в круглосуточный магазин за молоком для ребенка. Вряд ли Пушкину импонировала бы такая популярность. Все это он в деталях изложил холодильнику и, похоже, его аргументация оказалась убедительной, потому что холодильник промолчал, наверное – устыдился. Но четвертую бутылку пива Вадим решил на всякий случай не допивать.

Наглый холодильник оказался пророком и уже на следующий день появился неожиданный гость. Вадим как раз высасывал пятый стаканчик текилы, когда незнакомый голос, с заметным французским акцентом, произнес:

– А что это вы, сударь, предаетесь порокам в столь гордом одиночестве? Разумеется, и в пороках есть *propre charme*, но не следует ли соблюдать меру?

Пришлось обернуться. На краю дивана расположился странный тип в темно-зеленом сюртуке и полосатых панталонах со штрипками. Незнакомец, сидевший к Вадиму боком, имел густые бакенбарды и нахально задранный нос. Лица почти не было видно, но и такой малости оказалось достаточно, чтобы перестать считать его незнакомцем, ведь этот знакомый овечий профиль принадлежал не кому иному, как основоположнику современного литературного языка и солнцу русской поэзии. Покачивая ногой, обутой в лакированную туфлю, и держа в руках лоснящийся черный цилиндр и массивную трость с круглым набалдашником, перед ним сидел сам Пушкин, Александр Сергеевич. Классик отечественной литературы повернулся и продемонстрировал брезгливую гримаску на породистом лице. Его недовольство можно было понять, ведь после того как его застрелил гастарбайтер, поэту почти двести лет непрерывно

предлагали закапывать теплотрассы и бегать ночью за молоком. Но сейчас его интересовало другое:

– А не поделитесь ли, *mon ami*, вашим ликером?

Пришлось налить Пушкину текилы.

– Необычайный вкус, *mon cher*, необычайный – ворковал поэт, пригубив – По цвету похоже на *le Chartres*, а по вкусу более на горькую наливку.

Классик оказался не дураком выпить и через минуту Вадим уже исследовал подозрительно молчащий холодильник на предмет закуси. Там обнаружилась открытая банка шпрот и недоеденные пельмени сомнительной свежести. Поразмыслив и решив, что давно умершему Пушкину никакие пельмени повредить не могут, он вытащил оба продукта на стол и добавил бутылку «Киндзмараули». Дар некогда братской Грузии пошел на ура, причем Пушкин называл его «кахетинским».

Любая пирушка, будь то распитие жженки в пригородном трактире, поглощение лафита в кондитерской Вольфа или совмещение текилы с кахетинским под засохшие шпроты на кухне холостяцкой квартиры, будет бессмысленна без горячих споров. И неважно, что именно будет предметом того спора: превосходство брюнеток над блондинками (или наоборот), достоинства дамасских клинков или скорость интернета. Важен сам процесс спора, подогретый некоторой толикой алкоголя. Вот и сейчас, изрядно залив текилу «кахетинским» и размахивая трехзубой вилкой с застрявшим на ней пельменем, основоположник требовательно вопрошал:

– Позволю себе поинтересоваться, чем вы, мой друг, тешите себя в этом отвратительном заточении?

– Ничем не тешу – мрачно ответил Вадим – Просто живу.

– Просто? – возмутился поэт – Просто живут лишь чинуши и юридивые.

– А вы чем тешились в Болдино? – он тоже пытался быть ехидным – Просто спасались от холеры, верно?

– Ничего ты не знаешь – мрачно отпарировал Пушкин, легко перейдя на «ты» – Неправильные ты, брат, книжки читал. Я вот в сием заточение накропал «Повести Белкина» и десятую главу «Евгения».

– Так ты же ее сжег?

– Не верь, брат, биографам! Ее сожгли совсем другие люди... Впрочем, мы отвлеклись... – его язык уже заметно заплетался – Нет ли у тебя, брат, еще бутылочки кахетинского? Только пиво? Но мы же не немцы, верно? Я как раз ничего против немцев не имею, взять хоть друга Вилю... Но мы снова отвлеклись... «Евгений», несомненно, дело доброе, но не подумай, что я безвылазно сидел в своем поместье. Нет, брат! Трижды я пытался выехать в Москву и трижды меня останавливали на рогатках... Вот такие дела... Трижды, ты только подумай! Но я не Святой Петр, я не отрекся! И попытался пробраться лесами... А там, брат, волки. Голодные – страсть, ведь дело уже к зиме... Спасла меня вот эта самая трость. Ты не смотри, что она неказиста. Не поверишь, в ней аж восемь фунтов свинца. Зачем, спросишь? А затем, что именно столько весит дуэльный пистолет. Руке, брат, следует привыкать, так, на всякий случай... Дантес, спрашиваешь? Кто же в столице не знает этого бездельника! А причем тут он?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.